

2. Гуцин Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941) / Н. Я. Гуцин, Э. В. Кошелева, В. Г. Чарушин. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 288 с.

3. Ильиных В. А. Сельское хозяйство в Сибири в 1930-е гг.: динамика, факторы развития / В. А. Ильиных // Экономическая история Сибири XX — начала XXI вв.: материалы II Всерос. науч. конф. 27–28 июня 2009 г., Барнаул. — Барнаул : Академия развлечений, 2009. — С. 21–31.

4. Колхозы во второй сталинской пятилетке : стат. сборник. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 144 с.

5. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма / Н. Я. Гуцин, В. Т. Анисков, И. Б. Карлунина [и др.]. — Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1985. — 400 с.

6. Народное хозяйство РСФСР в 1965 году : стат. ежегодник. — М. : Статистика, 1966. — 616 с.

7. Правда. — 1932. — 30 сент.

8. Посевные площади СССР. (Динамика за 1928, 1932–1938 гг. в сопоставлении с 1913 г.) : стат. справочник. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 332 с.

9. Посевные площади СССР. 1938 г.: стат. справочник. — М.; Л. : Госпланиздат, 1939. — 333 с.

10. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В. А. Ильиных, С. Н. Андреевков, В. М. Рынков [и др.]. — Новосибирск : Сибпринт, 2012. — 408 с.

11. Сельское хозяйство СССР: Ежегодник 1935. — М. : Сельхозгиз, 1936. — 1468 с.

Информация об авторе

Ильиных Владимир Андреевич — доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории, Институт истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

Author

Vladimir A. Ilinykh — Doctor of History, Head of the Agrarian History Sector, Institute of History of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev St., Novosibirsk, 630090, e-mail: agro_iwa@mail.ru.

УДК 94(571.5)+930(571.5)
ББК 63.3(0)53(2P54)+63.2(2P54)

Л.В. КАЛЬМИНА

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЯРМАРОЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕ 1870–1910-х ГОДАХ

В статье классифицируются и анализируются все виды документации, дающие представление об оборотах, тенденциях и перспективах ярмарочной торговли в регионе.

Ключевые слова: делопроизводство, отчет, ходатайство, комментарий, ярмарка, городская управа, торговые обороты, товар.

TRANSBAIKAL FAIR TRADE 1870–1910s RECORD KEEPING

The author classifies and analyzes all kinds of documents, describing regional fair trading circulation, tendencies and perspectives.

Keywords: record keeping, account, petitioning, commentary, fair, Town Council/Uprava, trading circulation, goods.

Рост потребностей в товарах фабричного производства и слабое развитие местной промышленности в рассматриваемый период обусловили преимущество торговли в экономической структуре Забайкалья, которое по инерции сохранялось и после проведения Транссибирской магистрали. При отдаленности Сибири от промышленных центров и слабом развитии путей сообщения основными формами торговли в регионе оставались ярмарочная и базарная.

В рассматриваемый период в Забайкалье сложилась довольно разветвленная сеть ярмарок с определенной торговой специализацией. Развитие прямых коммерческих связей иркутских купцов с московскими, варшавскими и зарубежными фирмами вывели на первые позиции Верхнеудинскую ярмарку, бывшую одной из крупнейших в Восточной Сибири. Вокруг Верхнеудинска как одного из узловых межрегиональных ярмарочных центров выстраивались «ярмарочные цепочки» более мелких сезонных и специализированных ярмарок [12, с. 135–136]. Значительную роль играла также Чертовкинская ярмарка в Селенгинском округе. В Верхнеудинском округе торговля велась и на ярмарках «местного значения» — Хоринской, Иргенской, Онинской [8, с. 110].

Ярмарочная торговля была важным индикатором состояния региональной экономики, поэтому в делопроизводстве разных уровней постоянно присутствовала ее характеристика. А отчеты о проведении Верхнеудинской ярмарки как главной составляющей местной торговли занимали важное место в структуре делопроизводства городской управы.

Все документы, в которых имеется информация о ярмарочной торговле, можно разделить на отчеты и прошения. Сведения о проведении ярмарок входили во Всеподданнейшие отчеты военного губернатора; отчеты о работе городской управы; ежегодные статистические отчеты Верхнеудинской городской управы, характеризующие все стороны жизни уездного города; бюджетные отчеты забайкальских городов, где затраты на проведение Верхнеудинской ярмарки и полученные от нее доходы шли отдельной строкой расхода и, соответственно, прихода. Кроме того, составлялись самостоятельные отчеты о проведении ярмарки с полным анализом хода торговли и соблюдения торговых правил.

Губернаторские отчеты включали в себе сведения обо всех проводимых в области ярмарках, сроках и оборотах наиболее крупных из них. Информация о Верхнеудинской ярмарке как «знатнейшей» была неизменным фрагментом каждого отчета, где она стабильно фигурировала как «находящаяся в довольно порядочном состоянии» [3, с. 112]. В информации к отчету военного губернатора Забайкальской области Е.О. Мациевского за 1893 г. в разделе «ярмарочная торговля» указывалось, что для обеспечения населения «на различных пунктах области учреждены ярмарки и т.н. сугланы или инородческие торжки». Как наиболее крупные указаны Верхнеудинская, снабжающая область мануфактурой из европейской России и некоторыми товарами из Китая, и Спасо-Преображенская в селении Чертовкинском Селенгинского округа, где «обращаются мануфактурные, кожевенные, бакалейные товары, а главное соленые омули, время улова которых совпадает со временем ярмарки» [1, л. 54]. В Восточном Забайкалье ярмарочная сеть была развита слабо. Верхнеудинская ярмарочная и Кяхтинская пограничная торговля «держали» торговое пространство области, оставляя на долю ее восточной части, главным образом, задачу снабжения дальневосточных окраин России. Административный центр области Чита был своего рода «перевалочным пунктом», откуда товары по Ингоде и Шилке доставлялись на Амур [11, с. 255]. В отчете военного губернатора упоминалась «ранее значительная» Агинская ярмарка в Читинском округе, «но в настоящее время обороты ее настолько уменьшились, что инородцы ходатайствуют даже об ее закрытии» [1, л. 54]. В 1889 г. на Агинскую ярмарку было привезено товаров на 294 499 р., а продано 128 549 р., что по объемам привезенного уступало Верхнеудинской в 4,8 раз и Селенгинской в 7,1, а по объемам реализованного — соответственно в 17 и в 9 раз [4]. А в 1893 г. на Агинскую ярмарку товаров привезено было всего на 141 916 р. — вдвое меньше, чем четыре года назад, в то время как обороты Верхнеудинской и Чертовкинской ярмарки заметно выросли. Теперь уже Агинская ярмарка уступала по объемам привезенных товаров Верхнеудинской в 12 раз и Селенгинской в пять, а по объемам реализованного — соответственно в 17 и в 9 раз. Все остальные ярмарки — Ирченская, Онинская, в Улюне, Цаган-Норе, селении Верхнеангарском и урочищах Баунте, Душкачане и Баргокане, — как указано в отчете, представляют собой незначительные инородческие торжки и «служат только центрами обмена продуктов скотоводства и звероводства на различные предметы, необходимые при земледельческом и кочевом хозяйствах» [1, л. 54]. На Онинской ярмарке, как указывалось в обзоре области за 1889 г., было продано товаров всего на 12 600 р. [4].

В ежегодных статистических отчетах Верхнеудинской городской управы о структуре населения, численности городских торговых и промышленных заведений сведения о ярмарке шли отдельным блоком. Ин-

формация о ней состояла из двух частей: первая — статистические сведения о привезенных и проданных товарах, числе занятых под них лавок и магазинов; вторая — комментарии, объясняющие возросшую активность торговцев или, напротив, уменьшение торгового оборота. Иногда объемы привоза-продажи и остатки товаров показывались не только в целом, но и по каждому товару в отдельности. В статистическом отчете управы за 1877 г. отмечалось: «...из показанных в сей ведомости товаров сбыт производился оптовый и розничный, а также половина оно продана на деньги, а последняя в кредит, торговля была удовлетворительна, стечение народа было во время ярмарки до 2,5 тыс. человек. ...Во время ярмарки было занято привезенными товарами 6 лавок, принадлежащих Акционерным Обществам и 30 лавок, принадлежащих частным лицам» [2, д. 220, л. 21]. В том случае, если товаров на ярмарку привозилось мало, торговали теми, которые имелись в продаже. Как видно из отчета городской управы, на зимнюю ярмарку 1913 г. было привезено товара в два раза меньше, чем продано, а на сентябрьскую товаров не было привезено вовсе, и «торговля производилась обыкновенная» [2, д. 2992а, л. 86].

Судя по отчетам, оживление ярмарки напрямую зависело от урожайности трав: именно она как одна из главных статей городского дохода в конечном итоге устанавливала объемы ярмарочной торговли и формировала покупательский спрос. В докладе Верхнеудинской городской управы от 11 марта 1885 г. отмечалось, что из-за двухлетних неурожаев трав торговцев на ярмарку с каждым годом приезжает меньше, из-за чего у ярмарочные доходы также постоянно уменьшаются, «между тем как расходы по содержанию ярмарочного караула остаются все те же» [2, д. 433, л. 55]. На ярмарку 1889 г. товаров было привезено на 766 266 р. и продано на 775 390 р. меньше, чем в предыдущем году. «Упадок торговли в ярмарку 1889 г. объясняется неурожаем в 1888 г. хлебов и трав в Забайкальской области и вследствие того безденежьем в народе», — сообщается в отчете о деятельности управы в 1888–1889 гг. Уменьшение ярмарочных объемов управа объяснила и доставкой товаров в Амурскую и Приморские области, а также в Восточное Забайкалье до селения Сретенского морским путем, после чего отпала необходимость их закупки на ярмарке [2, д. 774, л. 3].

Статистику ярмарочных оборотов сама городская управа подвергала сомнению, поскольку оптовые торговцы уклонялись от подачи сведений о привезенных и проданных товарах или занижали их. В отчете управы о ярмарке 1886 г., на которую было привезено товаров на сумму около 2 млн, а продано на 1,7 млн р., отмечено: «Главные оптовые торговцы в доставленных ими в городскую управу сведениях показали об обороте своей торговли на половину менее против действительного произведенного ими оборота» [2, д. 520, л. 42]. Об этом же писал и есаул Рычков, чей отчет

о проведении ярмарки 1895 г. был опубликован в печати. Как оказалось, в ярмарочную статистику не вошли сведения об оборотах 17 торговцев, не предоставивших сведений, и почти вся торговля продуктами местного производства с возов и с рук. «Самые сведения, представленные некоторыми, даже очень значительными, фирмами, — пишет далее Рычков, — уменьшены от 2 до 4 даже раз против действительности, подтвержденной иногда даже ими самими в частных разговорах. По всему этому очевидно, насколько все предъявленные данные далеки от истины, и как осторожно ими нужно пользоваться для статистических целей. На сей раз пришлось взять за основание сведения Управы, и постаравшись пополнить пробелы и приблизить по возможности к действительности многие данные — получить цифру продажи на ярмарке в текущем году на сумму 2 367 000 р. ...Причем в... этот итог не вошли данные об оборотах 11 не особенно значительных торговцев и вовсе ускользнули из виду торговля орехами, которых привоз более 1000 пудов по цене 1 р.10 — 1 р. 20 к. пуд, мне лично известен». «Нежелание многими обнаруживать размеры своего дела» чиновник объяснял страхом уплаты процентного сбора, «усиленно у некоторых вкоренившимся убеждением, что действительный оборот их может в будущем быть обложен процентным сбором за старые года». Его собственные расчеты, основанные на сопоставлении числа подвод, их «грузоподъемности», количества занятых мест на постоянных дворах и ночевок каждой подводы (подвод он насчитал 9–11 тыс., причем каждая «провела» в городе не более двух суток) вылились в 4 млн р. привоза и 3 млн продажи, хотя, по сведениям городской управы, эти цифры оказались куда скромнее: 1 828 954 р. и 1 334 146 р. соответственно [6]. В дальнейшем с ярмарочных торговцев стали брать расписки с обязательством предоставления полных сведений об объемах продаж [2, д. 2504, л. 1]. Но чаще всего в отчетах управы сведения о ярмарке ограничивались несколькими строчками: «В г. Верхнеудинске ежегодно бывает одна ярмарка с 25 Января по 10 Февраля», «на которую съезжаются торговцы не только со всего Забайкалья, но и из большинства местностей остальной Сибири с оборотом от 2 до 3 млн р.» [2, д. 243, л. 40; д. 577, л.1–2].

В отчетах по исполнению бюджета Верхнеудинска приводится статистика доходов от проведения ярмарки (сборы с базарных столов, лавок и мест в торговых рядах и помещений для складирования привезенных товаров) и расходов, в число которых входило устройство новых и ремонт старых базарных столов и обеспечение теплой одеждой воинского караула, следившего за порядком. Как следует из этих документов, Верхнеудинская ярмарка с ее миллионными оборотами приносила небольшую прибыль, которая «терялась» в других городских доходах. В частности, в 1879 г. из полученных городом 33 840 р. 71 к. общего дохода сумма, полученная от проведения ярмарки, составила 773 р., в 1884 г. из 79 226 р. 96 ½ к. дохода ярмарка дала всего 93 р. 37 к.

В 1885 г. — доход ярмарки составил 76 р. 99 к. [9, с. 140]. В дальнейшем эти суммы планировалось увеличить: по смете 1886 г. в планируемую сумму 51 234 р. 71 к. городских доходов ярмарка должна была принести 2604 р. 63 к., хотя неизвестно, каких расходов она бы при этом потребовала [2, д. 506, л. 5, 12–13, 14].

Наиболее подробный материал содержали ежегодные отчеты о проведении ярмарки, которые составляли наблюдавшие за ней полицейские чиновники. К тому же эти отчеты были наиболее оперативными, поскольку в статистических сведениях городской управы фигурировали данные двух-трехлетней давности [2, д. 243, л. 41]. Полицейская информация анализировала статус ярмарки, ее ход, ассортимент выставленной на продажу продукции, приводила объемы привезенного и проданного по каждому товару и сведения о том, как расторгнулся каждый из крупных торговцев. «Верхнеудинская ярмарка служит как бы продолжением Иркутской, и торговцы Приамурского края, прибыв в Иркутск, для закупки товаров, на возвратном пути останавливаются в Верхнеудинске для дополнительной закупки годовой порции товаров у торговцев, прибывших на... ярмарку, — указано в отчете за 1895 г. — После 10 января, в зависимости главным образом от замерзания оз. Байкал и р. Ангары, в Верхнеудинск начинают подходить обозы с товарами, из коих более 70 % подходит по Иркутскому тракту как из самого Иркутска, так и Томска, и, даже далее на запад, до Москвы включительно. По этому тракту идут товары всех видов и родов, преимущественно же мануфактурные, бакалейные, ювелирные, а также: рыба масло, свечи и медь». Вторым по важности подвозным путем составитель отчета называл Кяхтинско-Селенгинский, по которому следовали чай, овчины, кожи и предметы местной промышленности. По Читинскому и Баргузинскому трактам доставлялись сырье, кожи, пушнина, мясо и рыба [6].

В отчете за 1876 г. указывалось, что из общего объема привезенного товара на сумму 1 369 645 р. 55 к. остался непроданным товар на 492 834 р. 55 к. Представленный ассортимент был достаточно широк: ткани, ювелирные изделия, галантерея, парфюмерия, колониальные товары, сахар, леденцы, чай байховый и кирпичный, кожевенные товары, скобяные изделия [2, д. 29, л. 13, 35]. В дальнейших отчетах мы можем видеть расширение ассортимента и «географии» прибывших на ярмарку товаров. К примеру, в отчете об обороте ярмарки 1877 г. указано, что наряду с товарами, привезенными из европейской России, стали торговать и местными, в частности, табаком и папиросами иркутских фабрикантов Мыльникова и Зазубрина, а к «привычным» ярмарочным товарам добавились «разные тюменские изделия», холщевые и игольные, фарфоровая посуда [2, д. 143, л. 47]. В отчете о ходе ярмарки 1879 г. отмечались «успешность» оптового и розничного сбыта товаров по сравнению с прошлым годом, «несмотря на малолюдное стечение, особенно

бурят», и заметная доля пушнины (баргузинского и амурского соболя, белки, хорька, лисицы) в ярмарочном ассортименте [2, д. 236, л. 10]. По ежегодным отчетам можно проследить и динамику привоза-продажи отдельных видов продукции. Например, в 1909 г. мануфактуры привезено больше, чем в 1908 г. на 179 997 р., а бакалейной и жировой продукции — на 62 355 р. меньше. Больше прошлогоднего привезено крупчатки и хлеба, готового платья, головных уборов [2, д. 2504, л. 193]. Отчеты служили важным источником информации для оптовых торговцев: они анализировали рыночную конъюнктуру, баланс спроса и предложения на те или иные товары.

Как следует из ярмарочных отчетов, первые позиции на ярмарке захватили иркутские купцы, бывшие одновременно представителями московских и других фирм и фабрик («...от местных жителей и крестьян торговали очень мало, вся торговля была от приезжих на ярмарку») [2, д. 763, л. 21]. Затем следовали верхнеудинские торговцы и крестьяне-производители из Верхнеудинского, Селенгинского, отчасти Баргузинского округов. Покупателями преимущественно были жители Забайкалья, которые закупали почти 75 % выставленных на ярмарке товаров [6].

Иркутские торговцы приобретали пушнину, жир, мясо, кожи, выставя на продажу товары, закупленные на ярмарках в западных губерниях империи. В 1878 г. они привезли товаров почти на 2,4 млн р. Только «мануфактурный король» А.Ф. Второв привез тканей на 185 000 р. и на 165 000 р. продал. Большими объемами товаров оперировал и И.С. Хаминов, но на ярмарке 1877 г. из-за неплатежеспособности местных крестьян продавал их большей частью в кредит и по низким ценам, а «взыскание долга» осталось «неудовлетворительным». Как указывалось в «Сведениях об обороте ярмарки», остаток товаров в сравнении с 1876 г. был меньше только от того, что и товаров на ярмарку было привезено меньше [2, д. 236, л. 38; д. 143, л. 34, 20].

Объяснение причин падения ярмарочных оборотов являлось важной частью отчетов. «...Торговля вообще была неудовлетворительной по малочисленности стечения народа, — отмечает автор отчета о проведении ярмарки в 1876 г. — ...Причиной к неудовлетворительной торговле является крайнее безденежье, происшедшее от ограниченных урожаев, упадка пушных и других промыслов, скотоводства и сравнительно низких цен на сельские и другие продукты. В среде же крестьянского населения на безденежье много влияет уплата казенных недоимок, накопившихся от прошлых лет» [2, д. 29, л. 35–36]. Падение торговли в 1891 г. объяснялось тем, что многие из оптовиков еще до начала ярмарки закупили большие партии товара в Иркутске. К тому же хороший урожай хлеба заметно «уронил» цену, и вывозить его для продажи стало невыгодно [2, д. 763, л. 35]. Уменьшение сбыта товаров на 215 439 р. в 1897 г. в сравнении с предыдущим годом объяснялось раз-

витиём в городе оптовой торговли мануфактурой купца Второва, из-за чего горожане меньше нуждались в ее разовом закупе: хотя привезено ее было на 82 100 р. больше, чем в прошлом году, продано меньше на 43 400 р. Значительно меньше, чем в 1896 г., было привезено хлеба, чая, сахара, фаянсовых, фарфоровых, хрустальных изделий, произведений местной сельской промышленности, хотя некоторых товаров было недостаточно, и их пришлось выписывать из Иркутска. Второй обстоятельством, снизившим ярмарочные обороты, стало почти полное отсутствие на ярмарке ее постоянных покупателей бурят из-за свирепствовавшей в округе оспы [7]. В отчете о проведении ярмарки 1905 г. указывалось, что «причиной малого привоза товаров служит недостаточная провозоспособность железной дороги, вызванная обстоятельствами военного времени»: привезенных товаров было на без малого полмиллиона рублей меньше против прошлогодней ярмарки. Трудность и дороговизна доставки товаров повысили цены («товаров купить в Иркутске по подходящей цене нельзя»), но сбросить цену для роста платежеспособного спроса означало торговать себе в убыток, поскольку затраты на сам товар, его транспортировку и аренду квартир в Верхнеудинске на время ярмарки были очень высоки. Тем не менее, как отмечал автор отчета, «покупателей... съехалась масса и потому торговля была весьма оживленной» [2, д. 1939, л. 70, 138].

В 1900-е г. главными действующими лицами на ярмарке становятся торговые дома и компании. Ранее обозначившаяся специализация торговли проявилась более явно: «ТД Коковин и Басов» торговал «колонияльными» товарами; «ТД Собенников и Бр. Молчановы» занимались чайной торговлей; иркутский купец А. Мерецкий специализировался на торговле головными уборами; купец Федченко — на бакалейных товарах. Монополистом в торговле мануфактурой оставался А.Ф. Второв. Заметным становится на ярмарке верхнеудинское еврейское купечество (Сегельман, Иохвидов, Фортус), хотя из-за меньших против иркутского купечества и торговых домов объемов определенной специализации у них не было [2, д. 1939, л. 19, 21, 33, 52, 64; д. 1799, л. 34–35].

Ярмарка была основой благополучия Верхнеудинска, с ней связывались перспективы его дальнейшего развития. При определении экономического будущего города городская власть, прежде всего, измеряла новшество предполагаемым ростом (или падением) ярмарочной торговли, и аргумент о необходимости сохранения ярмарки, «которая не даст городу упасть», неизменно шел в ход как решающий [10, с. 423]. Поэтому сведения об объемах ярмарки мы можем найти в самых разных прошениях — от ходатайства об открытии в Верхнеудинске отделения Государственного банка до прошения о проведении через город линии Транссибирской магистрали и размещении здесь Управления Забайкальской железной дороги и Главных железнодорожных мастерских.

Основным аргументом в доказательстве необходимости основания в городе отделения Госбанка был как раз удачный опыт открытия временного его отделения в период проведения ярмарки. Операция оказалась обоюдовойгодной: торгующее купечество не испытывало затруднений в переводе денег и учете векселей, а отделение банка в 1894 г. за три недели получило более 2 тыс. р. чистой прибыли, в 1895 г. за 18 операционных дней заработало 9539 р. и «приобрело симпатии и доверие публики, благодаря приветливому и предупредительному отношению служащих временного отделения» [2, д. 1088, л. 13; 5; 6].

В ходатайствах о проведении «имеющей строиться в Забайкальской области железной дороги через Г. Верхнеудинск» выражались опасения, что в случае определения для нее иной траектории, в обход города, «всякая торговля падет, ярмарка уничтожится... город рухнет и обратится в... жалкую захолустную деревню» [2, д. 577, л. 1, 2]. В отчетах тоже выражалась уверенность, что крепнущая год от году ярмарка «в ближайшем будущем, с проведением железной дороги, ... еще усилится» [7]. Забегая вперед, отметим, что эти надежды не оправдались, и в ходатайстве о размещении в городе Управления Забайкальской железной дороги отмечено, что с проведением линии железной дороги через город значение местной зимней ярмарки упало, и доход от сдачи в аренду приезжим квартир и магазинов, ранее достигавший 50 тыс. р., сократился более чем наполовину [2, д. 2256, л. 3].

В числе ходатайств, которые дают интересную информацию о верхнеудинской ярмарочной торговле, следует выделить еще два: о переносе сроков зимней ярмарки и открытии второй — летней. О переносе сроков ярмарки с 25 на 20 января просили иногородние купцы, мотивируя ходатайство тем, что подвоз товаров из Иркутска через Байкал, которыми почти исключительно держится зимняя ярмарка, начинается с 12-го и заканчивается 18–19 января, когда уже съезжаются все участники торга, и находится несколько дней «в выжидательном положении» для иркутских торговцев невыгодно. Торговать 15 дней они также считали лишним, т.к. в действительности ярмарка продолжалась 10–12 дней. Официальным Петербургом ходатайство было удовлетворено, и 14 октября 1894 г. городская дума объявила в газете «Восточное обозрение», что ярмарка переносится с 25 на 18 января [2, д. 947, л. 1, 6]. Однако, как указывалось в отчете о проведении первой ярмарки по новым срокам, это было не самой удачной затеей. Начало торговли 25 января диктовалось местными климатическими условиями: к этому времени устанавливался прочный ледостав на Байкале и Ангаре. В 1895 г. более позднее их замерзание (бывало и позднее) задержало доставку товаров по Иркутскому тракту, и обычных двух недель для торговли не хватило. «Все это отразилось на ярмарке сравнительно меньшим количеством торговцев-продавцов, меньшим количеством привезенных товаров, а

посему и более высокой ценой, которая вдобавок еще оправдывалась и дороговизной вследствие бездорожья провоза», — писал в отчете полицейский чиновник. Это вызвало рост стоимости провоза от Иркутска до Верхнеудинска до 60 к. за пуд, тогда как год назад привоз стоил 30–45 к. Для общей пользы автор отчета предлагал продлить торговлю до 20 дней, чтобы опоздавшие с привозом успели расторгнуться, тем более что стоимость прав на ярмарочную торговлю от ее продолжительности не зависела [6]. Ярмарка, тем не менее, прошла удачно, особенно для продавцов бакалейных и кожевенных товаров, т.к. их по указанным выше причинам подвезено было мало.

Ходатайство городской управы об учреждении второй ярмарки, дарованное 1902 г., обосновывалось потребностью золотых приисков в товарах для осеннего и зимнего сезонов, когда уже «выясняется местный урожай и определяются виды на рыбные и звериные промыслы и скотоводство». Тем более что доставка товаров из Иркутска водным путем по Ангаре, Байкалу и Селенге и последующий их сплав по Амуру в это время вдвое дешевле, чем по железной дороге (до 20 к. с пуда), и «таким образом изменение провозной платы отражается на стоимости товаров в благоприятном для покупателей смысле». К тому же городской управе удалось доказать, что август-сентябрь — наиболее благоприятное время для обмена с китайцами и монголами, поскольку, с одной стороны, в это время город получает московские товары, с другой — наблюдается наплыв для продажи из Монголии в Верхнеудинск гуртов скота, овец, монгольских лошадей и продуктов скотоводства. «Учреждение в Верхнеудинске второй Августовской ярмарки, — указывалось в ходатайстве, — необходимо... в видах развития торговли с сопредельной Монголией, чрез что монголы могли бы дважды в год производить обмен своих сырых произведений на изделия мануфактурной и фабрично-заводской промышленности, привозимые из Европейской России и из загранич и при посредстве Великого Сибирского железнодорожного пути соприкасаться с благами Европейской культуры и цивилизации». Ходатайство было отправлено на имя министра финансов С.Ю. Витте, и 28 марта 1903 г. военный губернатор Забайкальской области И.П. Надаров сообщил об учреждении «Августовской» ярмарки, которая должна проводиться с 20 августа до 3 сентября [2, д. 1710, л. 3, 4, 7, 10, 22]. В прошении Верхнеудинской городской думы об открытии отделения Госбанка, датированном 14 февраля 1906 г., указывались обороты обеих ярмарок: привоз январской составил 1 066 559 р., сбыт — 602 022 р., августовской 1905 г. — соответственно 299 370 р. и 207 820 р. [2, д. 1684, л. 12].

Следует еще упомянуть прошения на право торговли на ярмарке, дающие возможность установить, из каких мест съезжались торгующие. В их числе были и московские купцы [2, д. 310, л. 20].

Ярмарочная торговля в Забайкалье неоднократно становилась объектом интереса деловых людей, черпающих о ней информацию в различного рода справочниках, и корреспондентов сибирских газет, посвящавших ей целые очерки. Но это уже сюжет для другого рассказа.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Забайкальского края. — Ф.1(о). — Оп. 1. — Д. 3354.
2. Государственный архив Республики Бурятия. — Ф. 10. — Оп.1.
3. Евдокимова С. В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII-XIX вв. / С. В. Евдокимова. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2007. — 248 с.
4. Забайкальские областные ведомости. — 11 и 12. Прибавление к Забайкальским областным ведомостям 1890 г. и извлечение из обзора за 1889 г.
5. Забайкальские областные ведомости. — 1894. — Прибавление к № 16 официальной части.
6. Забайкальские областные ведомости. — 1895. — Приложение к неофициальной части Забайкальских областных ведомостей. — № 11.
7. Забайкальские областные ведомости. — 1897. — № 11 (14 марта).
8. Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг. / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. — Иркутск : Оттиск, 2012. — 300 с.
9. Кальмина Л. В. Бюджет уездного сибирского города как индикатор экономического статуса / Л. В. Кальмина // Власть. — 2012. — № 5. — С. 138–142.
10. Кальмина Л. В. Верхнеудинская ярмарка как социокультурный феномен / Л. В. Кальмина // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2015. — С. 420–426.
11. Кудрявцев Ф. А. К характеристике городов южной части Восточной Сибири в конце XVIII и первой половине XIX в. / Ф. А. Кудрявцев // Города Сибири. (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период) / отв. ред. О. Н. Вилков. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1974. — С. 239–258.
12. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. — 256 с.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Lilia V. Kalmina — Doctor of History, Associate Professor, Leading Scientific Researcher, the Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch Russian Academy of Sciences, 6 Sakhyanova St., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kalminal@gmail.com.